

История семьи Сасс-Тиссовских, бабушкины утки и детство в Тунисе и на юге Франции

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2027>

🎙 26 мая 2016

Собеседник

Завадовская Светлана Юрьевна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 26 мая 2016 и опубликована 8 декабря 2021.

Введение

Во второй беседе Светлана Завадовская, дочь востоковеда-арабиста Юрия Николаевича Завадовского, продолжает рассказ о семье Сасс-Тиссовских. Она зачитывает наброски маминых рассказов о родовом поместье Гринёвка, которое пришлось покинуть из-за угрозы расстрела деда, Василия Митрофановича Сасс-Тиссовского, бывшего министром сельского хозяйства в правительстве гетмана Скоропадского. Впоследствии Сасс-Тиссовские переехали на юг Франции, где смогли возобновить занятия сельским хозяйством. Другая тема беседы — дипломатическая служба и лингвистические экспедиции отца в Ираке, Тунисе и на Мальте. Кроме того, Светлана Юрьевна вспоминает бабушек, описывает анахронизмы в их поведении и пересказывает прибаутки деда.

О семейной традиции переносить события жизни в рассказ

Светлана Юрьевна Завадовская: Вы просили, чтобы я начала говорить о предках, а о предках мне очень трудно говорить, потому что я мало кого из предков знаю. Знаю только о них по слухам, но мне, конечно, интересно. И вот вчера, роюсь во всяких архивных бумагах, я вдруг прочитала мамин набросок для рассказов. Моя мама очень много писала рассказов. Потом она публиковалась в разных журналах, в частности в журнале «Новоселье», который из Парижа переехал в Нью-Йорк, сразу после войны. И писала рассказы, включая в них свои жизненные переживания. И вот я нашла маленькую тетрадку с ее рассказами, где первый небольшой набросок явно посвящен ее родителям, воспоминаниям. И тут такая фраза: «История моей семьи, каковы были мои предки, сегодня остро меня интересует. Кем они были, каковы? Мною не руководило дворянское тщеславие, а просто хотелось знать, каковы были эти люди, от которых я происхожу». И вот здесь она пишет: «Рассказы моей матери, Александры Дмитриевны Сасс-Тиссовской, всегда дышали простотой и правдой. Я знала, что все было именно так, как она говорит. А рассказы отца, Василия Митрофановича Сасс-Тиссовского, были необычны, захватывающи, интересны, но я не верила, что все было именно так, как он говорил. Отец был очень тонкий, душевный человек, обладавший богатым воображением. В молодости он писал стихи и рассказы». Я думаю, что у моей мамы вот это творческое начало и умение рассказывать скорее от отца, чем от бабушки. Бабушка была более строгий и чопорный человек. Так они мне запомнились, хотя дедушка умер в 49-м году, ну я, конечно, его хорошо помню, и бабушку тоже.

Василий Митрофанович и Александра Дмитриевна Сасс-Тиссовские с дочерью Галиной, внучкой Светланой и зятем Юрием Завадовским. Франция, ферма Сен-Жа, 1942. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

Именно вот эта вот разность характеров и определила форму и творчества мамы, и воспоминаний, и всё. Но папа тоже прекрасно рассказывал. И была такая у нас как бы установка на перенесение всех событий жизни в рассказ: вот рассказывать о том, что произошло за день. Мы без конца рассказывали друг другу о всех событиях, какие-то замечания по поводу, ну не то чтобы какое-то зубоскальство над поведением людей, но то, что замечали с юмором, как ведут себя люди, это было всегда, из самого маленького...

Ну, я приведу такой пример. Мой маленький брат только-только научился писать, выводить какие-то буквы. Ему подарили маленькую записную книжечку, чтобы он мог записывать свои впечатления. Он написал в ней всего лишь одну фразу: «Когда я был совсем маленьким, я оказался в Каире, тут-то все и разыгралось». Вот эта фраза маленького мальчонки «Тут-то все и разыгралось» — это значит, что у него весь рассказ уже был в голове. Он уже представлял себе, как он его расскажет. То, что он его не записал, — бог с ним. Уже после смерти брата оказалось, что он писал стихи. Он никогда об этом никому не говорил, понимаете.

А папа, помимо того, что он блестяще рисовал... Как я сказала вам, он был учеником Билибина и очень ценил его уроки, всегда помнил, как... Он блестяще писал всегда и рассказывал прекрасно, рассказывал увлекательно, но тоже, может быть, с некоторой долей фантазии. Мы всегда знали, что если папа что-то рассказывает, в научном плане это всегда будет очень точно и документировано, но в человеческом плане будет всегда некоторый полет фантазии (*смеется*). Я говорю, что папе можно было задать любой вопрос, самый обычный, и он сразу превращался в целое энциклопедическое познание. Он возвращался к сотворению мира, *ab ovo*, как он говорил, *ab ovo*, и начинал рассказывать о происхождении этого понятия или этого явления и так далее. И тогда мир становился для нас, детей, гораздо более понятным и в то же время намного более глубоким. И наблюдения над жизнью были самые интересные, причем с самых детских лет.

Очень много родители обращали внимания на наше развитие и записывали. Видимо, у них были дневники, где они записывали. Например, мой маленький брат увидел впервые Сфинкса и страшно удивился. Ему было годика три-четыре, он очень удивился и спросил: «Мама, неужели это свинск?» Потому что, конечно, Сфинкс у него ассоциировался со словом

«свинск» (*смеется*). И родители тут же записали. Значит, они наблюдали за детьми и с иронией записывали за ними.

О том, как папа решил стать востоковедом

Но вы хотели знать *ab ovo* опять-таки, почему родители встретились, как папа стал дипломатом. Все это происходило по какой-то невероятной цепочке, по какому-то невероятному стечению обстоятельств. Это не значит, что папа именно и думал стать дипломатом, абсолютно нет.

Бабушке было очень трудно. Ну, помимо того, что поначалу она просто бедствовала, потому что денег не было никаких, ей пришлось подрабатывать. Но она как-то легко относилась к жизни, очень оптимистично. Я считаю, что Александра Александровна Завадовская, урожденная Белелюбская, мать моего отца, она, безусловно, была героиней повседневности, потому что она совершенно не обращала внимания на сложности жизни, старалась быть оптимисткой и идти вперед, и воспитать сына, понимаете.

Папа поступил в русскую гимназию. Русская гимназия в Париже была знаменита, потому что все профессора, приват-доценты, ученые, ну там, не знаю, брат переводчика Лозинского, другие — все они пошли преподавать в русскую гимназию. Русская гимназия содержалась такой русско-американской дамой, которая пожертвовала очень много денег на эту гимназию. Вообще, как только образовалось вот такое количество эмиграции за границей, все сразу взялись за голову, взрослое поколение, и стали думать, как воспитывать детей, как им передать знания, что из них сделать, какую судьбу им определить. Вы знаете, это получилось очень успешно, мне кажется, потому что, во-первых, образование давали. Они сразу решили давать два образования в русском лицее — значит, русский диплом, полноценный абсолютно, который почти давал университетскую подготовку, и французский, с которым можно было поступить в любое французское высшее учебное заведение.

И тогда встал вопрос: кем же быть папе, кем становиться? Он даже думал, что, может быть, он станет рисовать. Но бабушка Александра Александровна решила пойти к Ивану Яковлевичу Билибину и спросить. А в это время Иван Яковлевич перенес очень много всяких унижений. Его работы перестали пользоваться успехом, их не понимали. Поначалу, когда были русские балеты, когда было увлечение русским ориентализмом, конечно, Билибин пользовался большим успехом, а потом вкусы переменялись. Уже началась другая эпоха, и издатель, который попросил иллюстрировать Билибина сказки к «Тысячи и одной ночи»... Билибин как раз вернулся из Египта и был страшно увлечен Востоком. И он рассказывал очень много папе о своих путешествиях по Востоку, показывал рисунки без конца. Так как папа уже интересовался восточной тематикой, он его просил делать даже какие-то для него исследования, розыски чего-то, чтобы знать как можно больше об арабской культуре, о восточных культурах. А папа очень гордился тем, что он мог Ивану Яковлевичу что-то рассказать и показать, и все. Вот такая была дружба.

Александра Александровна спросила Ивана Яковлевича, кем лучше стать. И Иван Яковлевич говорит: «Нет, я считаю, что искусство не кормит, и это не будущее для него, лучше пусть станет востоковедом, у него есть эта жилка». И папа написал такой рассказ, который был один из первых его рассказов автобиографических, которые были опубликованы, — «Как я стал востоковедом». Это в книге, изданной к какому-то юбилею Билибина. Вот он написал этот очерк и потом постепенно стал писать такие маленькие отрывки из своей жизни.

Учеба отца в Школе восточных языков и увлечение арабской культурой

Действительно, он решил поступать в Школу восточных языков¹. А Школа восточных языков при Сорбонне тогда была исключительно интересной. Там преподавали крупнейшие востоковеды и филологи, очень крупные филологи. И папа ходил не только в Школу восточных языков, он ходил на лекции в Коллеж де Франс. Это вроде как при Академии наук такие большие публичные лекции. Там он познакомился с работами Массиньона, крупного востоковеда французского. Особой совершенно судьбы и особого статуса востоковед, потому что он изучал мистические течения Востока и сравнивал их с другими течениями. В том числе, например, он изучал по всей Северной Африке происхождение черных богородиц, изображения черных богородиц.

¹ Национальный институт восточных языков и культур (фр. *Institut national des langues et civilisations orientales* INALCO).

Мы знаем, что и в русской иконописи есть черные богородицы, и этот сюжет издавна известен, что существуют изображения богоматерей с черным лицом. И он доказал, что эти изображения восходят к реликтам культа Изиды. А культ Изиды, как известно, распространился и на юге Франции, и он существовал и существует до сих пор. Например, если поехать в Сент-Мари-де-ла-Мер на берег Средиземного моря, это место, где собираются цыгане. Цыгане до сих пор в этой церкви Сент-Мари-де-ла-Мер поклоняются черной Богородице, и там даже есть реликты огнепоклонничества, потому что в крипте этого храма без конца горят свечи, плашки такие горят, и огонь поддерживается постоянно. Там существует множество легенд. Массиньон этим стал заниматься.

Папу это страшно увлекло. Папа был человеком увлекающимся. Он еще на велосипеде с друзьями ездил по Франции, побывал в Сент-Мари-де-ла-Мер, побывал в других местах и везде находил — и во Франции, и в других местах — очень большое влияние Востока. Безусловно, это влияние Востока никуда не исчезло, оно существовало. Как известно, арабы были остановлены. Арабское нашествие распространилось на Испанию и так далее, а арабы были остановлены где-то в Пуатье, или где-то посередине Франции, но все равно влияние арабской культуры распространилось во всех видах. Например, когда сефарды эмигрировали из Испании и основали первые университеты на севере Европы, например, Страсбург, Гейдельберг, все эти первые главные университеты, это всё были, конечно, люди, знавшие и древнееврейский, и арабские письмена, и так далее. И они, как бы сказать, распространили культуру по всей Европе. Они стали центрами культуры. Ну вот пример — Спиноза. И так далее. Я не буду останавливаться на этом, это не моя тема.

Во всяком случае, папа, конечно, этим очень увлекался. И он решил учить арабский. Поступил, мало того, что он поступил, он учился блестяще. Так как он был одним из лучших, закончил с отличным дипломом Школу восточных языков, ему предложили французское гражданство и возможность пройти конкурс на дипломатическую службу в странах Востока, что он и сделал. Но для этого надо было подать заявление и получить натурализацию, это называлось, французская натурализация. Папа получил эту натурализацию французскую, но для этого надо было пройти военную службу. И папа поехал проходить военную службу в Марокко, вместе с товарищем марокканского происхождения, для того чтобы изучить марокканский диалект. Потом он ездил в Алжир, ездил по всей Средней Африке в течение своей годовой военной службы.

Он настолько увлекся арабской культурой, что он даже хотел перейти в ислам. Но бабушка Александра Александровна очень легко и просто, пригласив каких-то красавиц из русской эмигрантской среды, сумела папу переключить на другие приключения. И он не захотел продолжать становиться мусульманином, хотя изучал восточную литературу и культуру досконально и увлекался всем. Ну, было такое влияние.

Поступление отца на дипломатическую службу

Сдав конкурс поступления на Quai d'Orsay, это набережная Орсе, набережная Сены, где находится Министерство иностранных дел... И он прошел конкурс, поступил. Ему пришлось сшить изумительную такую форму, довольно дорогую, но бабушка все это сумела освоить. И ему пришлось поехать — первый пост — в Дрезден. Это были годы довольно сложные. Это были 30-е годы, 32-й или 33-й, я уж не помню. В общем, это были годы довольно сложные, и он должен был пройти, как бы сказать, свою первую стажировку в качестве молодого атташе. И он совершенно еще не понимал, что идет вот такое наступление фашизма, но ему очень не понравилась обстановка.

По долгу службы приходилось... Никто из посольских особенно не ходил на бесконечные представления этих опер, там, «Лознгрин», «Тангейзера», «Кольца нибелунга», и всего, и всего, и посылали папу как самого молодого (*смеется*). И он взял с собой бабушку. Бабушка прекрасно говорила по-немецки, поэтому она там общалась со всеми, а папа быстро шел в ближайшую пивную и как-то от этих самых отходил. Папа был не очень музыкален, зато он совершенно прекрасно имитировал, у него был поразительный лингвистический слух. Во-первых, он имитировал произношение любого диалекта и мог ушами различить малейшие детали диалектных произношений. Он подражал пению муэдзина. Он выучил Коран чуть ли не наизусть и мог произносить его и читать определенным образом, как читают именно муллы. Он выучил этот ритм и так далее. Ему это все очень нравилось. Так что некоторым образом он был феномен в этом плане.

Надо сказать, что и бабушка была лингвистом, но еще до того, как появилась лингвистика. Когда она преподавала иностранные языки, она преподавала их беспереvodным методом, прямым, как бы сказать, целыми структурными фразами, не разделяя на отдельные слова, а именно вот так, как преподавали раньше по методу Берлица. Вот такие моменты. Так что, безусловно, явно у них были способности языковые большие.

Юрий Николаевич Завадовский. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

Знакомство родителей. Дружба с семьей Пилле

Как вы знаете, в конце обучения в Школе восточных языков папа познакомился с мамой. Она училась, у нее был турецкий язык, по-моему, второй или третий, и еще язык, и русский, потому что русский тоже преподавался в Школе восточных языков. Она хотела получить диплом по русскому и думала, что она будет работать секретарем. В Школе восточных языков она познакомилась с одной очень интересной дамой. Эта дама приехала из Польши, в общем, из Волыни тоже. Это была ее подруга Катюша Гродзинская, Екатерина Александровна Гродзинская, которая впоследствии вышла замуж за француза Пилле.

Эта пара сыграла большую роль в жизни моих родителей. Это были большие их друзья. Екатерина Александровна стала впоследствии библиотекарем в Школе восточных языков. С ней много связано всяких эпизодов, и мы будем с ней встречаться. Не только, как я говорю, бабушки наши были дружны, было дружно поколение моей мамы и Екатерины

Александровны. Потом были дружны мы, дети, и даже следующие поколения тоже остались в дружбе. У нее было четверо детей, и до сих пор мы сохранили связи с Пилле. А они, так же как и мой отец, во время войны вступили в Сопротивление.

Никакими героями Сопротивления они не были, ничего такого, но я считаю их героями, потому что они спасали русские книги от сожжения, от уничтожения. Например, Анри, который был членом компартии, распределил в чемоданы русские книги, которые должны были сжечь, и раздал друзьям по квартирам, чтобы спрятать их. И у него был список, и когда немцы ушли, он сразу по этому списку быстро восстановил, и вернул все книги русские.

Я считаю такие поступки тоже героическими поступками, не говоря уже о том количестве людей, которых они у себя спасали, прятали и прочее. Понимаете? И, конечно, во время оккупации все помогали евреям. И русские священники выдавали евреям свидетельства, что православный, и все. Это было всеобщее такое, как бы сказать, всеобщая форма поведения во время Сопротивления.

Екатерина Андреевна Голицына: Светлана Юрьевна, об этом я вас потом попрошу отдельно...

С. З.: Вы попросите отдельно рассказать, хорошо, хорошо. Вот.

Галина Васильевна Завадовская. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

История семьи Сасс-Тиссовских

Очень интересное, если хотите, происхождение семьи моей мамы. Может быть, я даже больше знаю о быте и характере жизни семьи моей мамы, потому что я всю войну прожила с дедушкой и бабушкой Сасс-Тиссовскими, которые, конечно, мне рассказывали массу всего. Но надо сказать, что остались такие анахронизмы, и уже маленькой девочкой я отлично понимала, что существует очень большой анахронизм в их поведении. Я как-то этого даже стеснялась и старалась не подражать этому. Можно рассказать один эпизод, да?

У дедушки была ферма на юге Франции. Ну, как они на эту ферму попали, я рассказывала или нет? Что они бежали из Киева, потому что дедушка был обвинен в том, что он работал в правительстве гетмана Скоропадского, дедушка Сасс-Тиссовский. Он был министром сельского хозяйства. Он был одним из молодых дворян. Происхождение его венгерское, как я сказала, Сасс-Тиссовский. Сассы с берегов Тисы. Тиса — приток Дуная.

Е. Г.: Это вы немножко рассказывали.

С. З.: Это я рассказывала.

Е. Г.: Но про бегство подробно не рассказывали.

С. З.: Вы знаете, бегство было сложное. И вот сейчас, прочитав еще один мамин рассказ небольшой, я поняла. Я знаю, что управляющий имением дедушкиным был влюблен в бабушкину сестру. Но тут тоже такой эпизод, это я не знаю, каждый эпизод требует какого-то пояснения. Тетя Соня, как ее называла мама, тетя Соня — старшая сестра бабушки Александры Дмитриевны Сасс-Тиссовской. И дедушке было положено по принятым тогда предубеждениям жениться на старшей сестре.

Но он, когда приехал в имение, то ли их познакомили, то ли что, он влюбился в младшую и сделал предложение младшей, что очень не понравилось родителям, видимо, то есть моим прадедуске и прабабушке. Не понравилось, потому что надо было сначала выдать замуж старшую сестру. Вот. Но они не обращали на это внимания, свадьба состоялась.

Прежде чем родить детей и стать помещиками во главе вот этого большого поместья, которое у них было, которое называлось Гринёвка, они решили, что они закончат в Белгороде сельхозакадемию. Они стали учиться и получили дипломы, вы представляете? У них были очень такие, видимо, передовые для той эпохи взгляды, они стали народниками. Они решили, что надо нести культуру в народ, образование. Они сделали школу при имении большую, и вот тетя Соня полноценно занялась этой школой. Она пока не выходила замуж. А управляющий имением дедушки был влюблен тайно в тетю Соню.

Когда наступила революция, когда все уже разрушилось... Да, еще надо сказать, что, будучи хозяевами поместья, они выписывали из Финляндии, Швеции какие-то сенокосилки, сепараторы, новые аппараты. Они ввели травопольный севооборот, там чего только они не ввели. Очень увлекались своим ведением хозяйства и хорошо умели, видимо, это делать. Но тут наступила революция, все стало рушиться, и дедушку обвинили в том, что он был в правительстве гетмана Скоропадского, и приговорили к расстрелу. Это был невероятный удар. Надо было куда-то бежать. Они в Киеве скрывались.

Понимаете, мне в детстве вся эта информация выдавалась по капельке. Мне не давали знать все, я постепенно все узнала, а о многом даже догадалась только впоследствии. Но я знала уже от мамы, что дедушка был приговорен к расстрелу. В конце жизни бедная тетя Римма, старшая мамина сестра, она уже меня путала с мамой покойной, говорит: «А ты знаешь, Галя, — она меня называла Галей, как маму, — а ты знаешь, Галя, что нашего папу приговорили к расстрелу? Только ты никому этого не говори». А прошло уже — вся жизнь прошла. Она сама скоро умерла впоследствии. Она в 96-м году скончалась, ой... Это было ужасно, вы знаете, мне даже трудно вспоминать, потому что это связано с большими душевными их переживаниями и моими переживаниями, понимаете. Потому что когда людей нету, и вспоминаешь только о том, что было, это совершенно другое. Уже ничего нельзя ни изменить, ни исправить.

И вот этот управляющий имением сказал: «Я вас спасу, я вас вывезу, но только при условии, что Соня станет моей женой». Но Соня не захотела стать женой, однако, решила спасти семью и родила управляющему сына, не выйдя за него замуж. И она осталась учительствовать в этом барском доме, между Харьковом и Полтавой, вот где было их имение, понимаете, и впоследствии она умерла. У нее даже был орден Ленина, как заслуженная учительница. Вы представляете? То есть это педагогическое начало в ней осталось, возможно, даже и от народников, от идеи народничества. Я не знаю, как это все, видимо, как бы вам сказать, верность каким-то идеалам, заложенным в молодости. И это я очень часто наблюдала: у пожилых людей остается вот эта верность идеалам молодости. Так же у многих участников войны в Испании остались вот эти идеалы революционные и борьбы с фашизмом, именно со времен войны в Испании. Я много знала вот астурийских, на юге Франции очень много было эмигрантов из Испании, в частности, шахтеров из астурийских шахт и так далее. И вот они остались верны каким-то таким революционным очень идеалам. И это встречается и во французской литературе, отражено очень у многих писателей, которые участвовали в войне в Испании. Например, у Мальро и так далее. Так что тут есть над чем подумать, поразмышлять.

Чтение маминых воспоминаний

Е. Г.: Светлана Юрьевна, но ведь дедушка и бабушка не сразу во Францию попали?

С. З.: Нет-нет, вот я сейчас скажу. Значит, этот управляющий достал подводу и отправил девочек, положил под сено на подводе с волами и каким-то образом их стал переправлять. Они еще некоторое время жили в Турции, а потом из Турции перебрались в Болгарию. Мама как раз в этих записках, которые я прочитала... Они жили в Буюкдере, это квартал Буюкдере. Хотите, я прочитаю этот кусочек?

Е. Г.: Конечно.

С. З.: Минуточку. Вот мама пишет: «Гринёвка — хутор на Украине, место, где я родилась, где родилась мама, дедушка, прадедуска и многие другие предки, впоследствии осевшие здесь со времен Екатерины. Гринёвка, о которой родители вспоминали за границей ежедневно и которую нам с сестрой описывали детально и подробно в течение двадцати лет. Родители любили, в особенности мама, этот клочок земли страстно, и не потому что они были большими собственниками, а потому что на Гринёвке прошла лучшая пора их жизни. Лучше, красивее, живописнее Гринёвки для них не было уголка во всем мире, в частности на Лазурном берегу Франции, там, где им пришлось прожить более четверти века. Вернувшись на родину, я с первого дня мечтала о Гринёвке: увидеть пейзаж, восхищавший родителей, прикоснуться к земле, вскормившей мою семью. Гринёвка, сиявшая нам, как видение потерянного рая, в Константинополе, Болгарии, Париже, на берегу Средиземного моря, — это сказочная страна, fairyland, олицетворение для меня родного дома. И она стала мне доступной. После длительного путешествия из Ташкента до Харькова я наконец доехала на автобусе до этих мест». И она описывает немножко, как она встретила с теми жителями, которые остались в этом уголке земли: «Кругом поля, окаймленные лесом, спуск к реке и в ложбине огороды. Вот и Гринёвка. Я села на холмик, где когда-то был дом, в котором я родилась, и всем своим существом слилась с окружающим пейзажем. Мне было легко и хорошо, никакой грусти, а какое-то радостное успокоение. Я собрала полевых цветов, которые теперь в конверте лежат на могиле родных на сельском кладбище во Франции в городке Мужен. Но помнила ли я Гринёвку? Боюсь, что нет. Правда, иногда возникали картины жаркого летнего дня, и я тянусь за яблоками, а вокруг жужжат пчелы — это всё... Сейчас вспоминаю, что мы живем в Турции, в Турхункурте(?), у маяка. Я привыкаю ходить на колодочках, это сандалики на деревянной подошве. Они мне очень нравятся, и я их ношу с удовольствием. Гуляю по берегу. На веревках растянуто и сушится кефаль. Я очень люблю икру кефали, и иногда рыбаки меня ею угощают. Однажды там же, на берегу, появляется загорелый человек. Я умоляю маму мне купить несколько каких-то рыбок, но получаю одну ярко-желтую, коричневую... — я почему так читаю, потому что зачеркнуто (*Завадовская поясняет, почему читает с паузами*). — Я запоминаю все на всю жизнь. Помню, как мама болела тифом в Севастополе. Только что умер от сыпного тифа дядя Митя, мамин брат, земский агроном, старый холостяк, чудесный человек, который оставил о себе добрую память всюду, где он работал». Вот. А потом дальше: «Осень 1920 года. Дует

холодный морской ветер. Мы с папой идем покупать маме фруктовые консервы. Меня поражает красота абрикосов в банке, у меня нет желания их съесть, а только хочется на них смотреть...»

«Настроение большой тревоги, оно передается мне. И вот мы на борту корабля. Мама плачет, папы с нами нет. Мы с сестрой прижимаемся к маме». Они, оказывается, все-таки на корабле выехали, понимаете? Где-то они бежали из Киева на подводе, потом попали в Севастополь, а потом из Севастополя на корабле уже в Турцию. А потом уже из Турции в Болгарию. *(Перерыв в записи)*

Приобретение фермы на юге Франции

Я думаю, об истории маминой семьи тут сложно долго рассказывать, хотя очень много есть моментов. В частности, я хотела сказать о том, что вот эти вот анахронизмы остались, понимаете. Когда они попали на юг Франции, дедушка с бабушкой, из Болгарии... Знаете, бабушка еще в Болгарии преподавала девочкам в русской гимназии в Софии. Она преподавала домоведение и какие-то начатки ведения хозяйства, рассказывала им про травопольный севооборот и так далее и так далее. Вот такие моменты смешные.

А потом они попали сначала в Париж, в очень тяжелые обстоятельства, жили на какие-то крайние гроши стесненные. Дедушка решил поехать на юг Франции и сначала работал в Ментоне в старческом доме. Ну, тут много можно эпизодов привести. Если как-нибудь будет у вас время, я вам расскажу рассказы, как он работал с этими старушками. У мамы очень интересный есть даже рассказ про этих старух бедных, бывших аристократок, которые попали в старческий дом в Ментоне и которые жили в разных обстоятельствах. Тут можно рассказывать всю жизнь *(смеются)*.

А потом они решили все-таки как-то собрать денег и купить какую-то ферму. И стали хозяйствовать. И представьте, у них хозяйство пошло, потому что все-таки они ученые агрономы. У них как-то пошла ферма. Они развели коров, кур и прочее, купили этот клочок земли. Клочок земли сначала был в департаменте Вар, в горах, на юге Франции, но далеко от моря. А после войны, уже после того как ушли фашисты, они продали этот клочок земли и за понюшку табаку, как говорил дедушка, купили этот — часть холма в Мужене, который недалеко от Граса по Наполеоновской дороге, напротив деревушки Мужен, где и похоронены дедушка и бабушка. Ну, про жизнь в Мужене, в Грасе тоже очень интересно, можно долго рассказывать. Все это тридцать – сорок лет, это большие промежутки времени. За эти промежутки времени много всяких происходило изменений на этой земле, да. В частности, после войны Каннский фестиваль сделал это место модным, курортным, фешенебельным — и вдруг все изменилось. Я над этим немножко посмеивалась. И всегда мои посмеивались.

Детские воспоминания о Тунисе и Мальте

Вас интересует, видимо, еще и восточная сторона. Значит, я родилась в Багдаде, как вы знаете, потому что после Дрездена папу послали уже в Багдад. Он работал сначала в Мосуле и руководил этнолингвистической экспедицией по Ираку и Ирану. Это была интереснейшая экспедиция. Мама поехала с ним в это путешествие большое. Они путешествовали несколько месяцев. И папа это путешествие описал. Я дала множество фотографий, ну, фотографиями мы займемся специально как-нибудь, чтобы проиллюстрировать это. У меня это все есть в электронном виде. Вот.

Я пробыла не так долго в Багдаде, потому что решили, что надо всем возвращаться во Францию. Я была одним из первых малышей, который в очень раннем возрасте осуществил перелет на самолете из Багдада в Париж. И даже написали, у бабушки была вырезка из газеты, что маленькая Клер... Меня называли, как я говорила, Клер, по-французски «светлая», Нурия по-арабски тоже «светлая» и Светлана по-русски «светлая». И Фатиния по-гречески, потому что в святцах не было Светланы. Сейчас в святцы ввели Светлану, тихо, спокойно. Но крестили меня уже в другом месте. Меня крестили в Тунисе в Бизерте, когда папа поехал в Тунис работать, во французское посольство. Кстати, он очень помог русским морякам, бывшим офицерам, которые служили на флоте до революции. Русский флот был остановлен или не затоплен, во всяком случае, корабли были поставлены на постоянное время, на постоянном посту в Бизерте, и там русские офицеры жили в очень тяжелых условиях, очень тяжелых. Папа помог им через французское посольство продать какую-то часть кораблей на металлолом, хотя бы получить немножко денег для жизни. Вот.

Юрий Николаевич Завадовский. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

Ну, кое-что я уже помню о жизни в Тунисе. Папа изучал тунисский диалект. Были специальные у нас люди, которые служили информантами. В основном это были восточные помощники по дому и так далее. И тут я рассказывала один такой эпизод. Филипп Мозли такой, английский, что ли, дипломат, который был масоном... Как раз уже было предвоенное время, скоро война, немцы весьма как-то были ощутимы. Мне трудно представить себе ту обстановку, но по рассказам я кое-что слышала. Филипп Мозли боялся за свое пребывание на Востоке и решил бежать оттуда. И он предоставил свою виллу папе и маме, и мы там прожили, ну, я не знаю, два лета. Бабушка к нам туда приезжала из Парижа, бабушка Завадовская. И мы откопали в саду под кустом роз вот этот вот фартук, из какой-то кожи специальной, ослиной, что ли, и какие-то предметы, например, мастерок этого несчастного Филиппа Мозли, который он бросил и закопал под кустом, чтобы его не обвинили в том, что он масон (*смеется*). Вот такие смешные эпизоды.

Там же произошел эпизод с адмиралом Мордвиновым, которому я сказала: «Присядьте, адмирал». Я вошла в салон, сидит человек и говорит: «Где ваши родители?» А я его спрашиваю: «Vous parlez français или ты говоришь по-русски?» — потому что я на «ты» говорила по-русски с друзьями родителей и на «вы» по-французски с официальной публикой, которая приходила к нам домой.

Ну, там у меня очень много было всяких... Например, я увидела шакаленку у себя под кроватью, у которого блестели страшно глаза. Шакалы были везде, это было на берегу моря, и они могли бы быть даже опасны, эти шакалята. И я очень испугалась, но так как была балконная дверь открыта, то он туда же и убежал, в эту балконную дверь. Вот такие воспоминания детские. Вот.

А потом были другие. Мы ездили оттуда на Мальту. Папа работал в архиве Мальтийского ордена, много сделал записей. Дело в том, что мальтийский диалект полон арабских слов, арабских заимствований там очень много было. Папу это заинтересовало, и он сделал множество наблюдений над влиянием арабской культуры на мальтийский язык, это его интересовало. И вообще, куда бы он ни приехал, он везде начинал изучать и этнографические аспекты, и исторические аспекты, и все. И во всех экспедициях, куда он ездил, он делал очень подробные отчеты того, что... Ну и потом он занимался

своими основными работами, дешифровкой древних надписей и так далее и так далее.

Е. Г.: На Мальту вы с приключениями ведь плавали, да?

С. З.: Потому что была буря, да, потому что была буря сильная. Начало всех, а меня маленькую не укачивало. Я легко переносила, а весь персонал корабля просто не мог даже нам подать еду, потому что их всех укачивало (*смеется*).

В то время Мальта была под управлением англичан. Там находился мой дядя вместе с тетей и детьми, только что родились мой двоюродный брат Питер, старше меня на год, и моя двоюродная сестра, младше меня на год. Вот эта фотография, которую я вам показывала, я надеюсь, я сделаю ее скан и смогу показать эту фотографию, где мы с кузиной маленькими встретились. Я не знаю, впервые или нет, это мне трудно сказать, может быть, мы еще и раньше встречались в Париже, потому что я малышкой совсем приехала в Париж к бабушке. Ну, это я уже не помню.

Света Завадовская. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

Представления бабушки о приличиях

Ну, у меня интересные бывают такие моменты. Я попала в Париже в зоопарк. Это уже было, я не знаю, какой год, это были уже 70-е годы, много позже детства. И вдруг всплыло воспоминание из детства, как я с бабушкой ходила в этот же зоопарк, и в этих клумбах копалась. А бабушка парижская была очень такая, знаете, ну, она соблюдала всякие чопорности. Она меня обожала, но заставляла меня соблюдать все манеры. И учила меня языкам очень строго, и все, притом что они все меня обожали, надо сказать. И я маленькая спрашиваю, у меня такие перчаточки на руке с пальчиками, ну знаете, свободными — митенки, из белого кружева, и я говорю: «Бабушка, можно я сниму митенки, чтобы поиграть в песочке с лопаточкой?» И бабушка мне не разрешает, говорит по-французски строго: «Нет, нельзя, иначе ты запачкаешь руки». В общем, вот такие были правила. Не то что я воспитывалась в большой строгости, но, понимаете, очень надо было соблюдать приличия. Надо было знать, когда сделать реверанс. Надо было как-то себя определенно вести за столом, это все соблюдалось неукоснительно.

Александра Александровна Завадовская с внучкой Светланой. Париж, 1937. Источник: www.geni.com

Бабушкины утки

Когда во время войны бабушка из Парижа приехала к бабушке каннской... Надо сказать, что бабушки дружили, но дружили тоже как-то очень чопорно и обменивались письмами. А, еще есть один очень интересный эпизод — бабушкины утки. Это история совершенно невероятная. У бабушек был уговор. Я думаю, что это восходит к XIX веку, это очень древний обычай. Значит, бабушка парижская принимает у себя часто дам или молодых русских людей, которые страшно одиноки, ни с кем не могут познакомиться, ничего. И вдруг какая-нибудь барышня из эмиграции говорит: «Я еду на юг Франции отдохнуть на недельку. Я знаю, что у вас там родственница, может быть, что-нибудь надо отвезти?» И бабушка парижская говорила: «Да, мне надо отвезти жареную утку и передать на юг Франции». Хорошо. Отвозится жареная утка. А бабушка Александра Дмитриевна уже понимает, в чем дело — значит, этой девице надо найти жениха. И при русской церкви тут же ей находится какой-нибудь одинокий русский эмигрант, который только и мечтал жениться. И бабушки варганят эту свадьбу.

Потом обратный случай. Предположим, с юга Франции едет какой-нибудь одинокий русский офицер в Париж, на недельку, и спрашивает Александру Дмитриевну, не надо ли что-нибудь передать. И Александра Дмитриевна тут же говорит: «Да, да, мне надо обязательно передать утку Александре Александровне, жареную. Вот я поджарю утку, вы приходите и передадите на следующее утро ее в Париже моей родственнице». Хорошо, передается утка, это уже условный сигнал. И тут же находится какая-нибудь барышня в Париже. И таким образом...

66-й год. Мы с тетей Риммой идем в русскую церковь в Каннах, в церковь, которую я очень хорошо знала, и все. И идут какие-то старички, глубокие старички с двумя палочками. Тетя Римма меня толкает локтем и шепчет: «Это „бабушкины утки“ (смеются). И почему-то это мне показалось так трогательно, эта история, что вот эти вот глубокие старички были именно судьбою сведены, не то что судьбою, а именно моими бабушками. Вот у них были такие... Вообще много таких, как бы сказать, возможностей передачи. В письмах писали очень часто, когда мы уехали в Советский Союз, и это было такой трагедией, надо было написать, если идет дождь или идет снег — это была такая условность.

Е. Г.: Шифр.

С. З.: Да, шифр такой был. Ну и, конечно, снег шел, но уже пути обратно не было (смеются), когда мы попали в Ташкент, в эту глину, снег шел, и все было так тяжело и сложно, но что поделать. Вот такие дела.

Е. Г.: Тогда эмиграция как-то дружественно существовала, да?

С. З.: Ну конечно, все друг другу помогали, все бросались друг другу помогать. Лучше всего, конечно, я помню период, ну войну помню очень хорошо, историю прихода немцев и все это. Я неоднократно рассказывала, как было у нас посещение гестапо и так далее. Как папу... Это, может, в другой раз.

Е. Г.: Давайте в следующий раз тогда подробно.

С. З.: В следующий раз подробно я расскажу, потому что это все-таки отдельный эпизод — период войны и Сопротивления,

когда папу лишили дипломатической службы, когда случилась вся эта... Это все же воспринималось как трагедия, понимаете?

Е. Г.: Конечно.

С. З.: Это воспринималось как страшная трагедия, потому что просто никто не знал, на какие деньги существовать нам. Вынуждены были продавать какие-то вещи, чтобы вернуться назад во Францию. А во Франции уже начался страшный... Остракизму были подвергнуты русские в этот период, и было очень сложно пережить этот период.

О семейных праздниках и традициях

Е. Г.: Светлана Юрьевна, а может, пока в раннем детстве, вы расскажете, какие особенные были, если были, традиции в семье, какие праздники вы семейно праздновали.

С. З.: Ну, вы знаете, праздновали праздники так. Значит, все считали у нас, что надо в православном календаре переходить на новый стиль, большинство считало. Но Пасху, конечно, праздновали по старому стилю, да. Но Рождество праздновалось так же, как Рождество католическое. Вот какие-то были такие моменты, я не знаю, Пасху по старому стилю, но как-то особенно, так этот самый... Я же ходила во французский лицей, понимаете?

Е. Г.: До войны уже?

С. З.: Нет, нет, я пошла только во время войны, в конце войны я пошла в школу, потому что кругом были партизаны, и невозможно было идти. И вот тогда мне родители, дедушки и бабушки сделали такую школу на дому.

Е. Г.: Это вы расскажете подробно потом.

С. З.: Да-да-да. Ну какие традиции?

Е. Г.: Сейчас, может быть, именно сугубо семейные.

С. З.: Дедушка очень дружил со священником отцом Николаем Соболевым, который был поразительный человек и часто приходил к нам, и с французским жандармом, который тоже нас спас некоторым образом во время оккупации немецкой, фашистской. И, конечно, накрывался стол, принимались...

Дедушка Василий Митрофанович плохо говорил по-французски, но он очень любил всякие прибаутки, пословицы и так далее. Дело в том, что Сасс-Тиссовские очень хорошо знали украинский язык. Они пели украинские песни. Дедушка знал наизусть «Энеиду» Котляревского. Например, дедушка цитировал: «А Венера, сучья дочка, раскудаhtалась, як квочка» (*смеется*). Я помню эти моменты. Или он читал: «Катерина, вража мати, що ж ти наробила? Край веселий, край багатий та й закріпостила!» (*неточная цитата*). Я это все знала. Потом пелись казачьи песни: «По пе, попереду Дорошенко... А позаду, а позаду Сагайдачний... Що проміняв жінку на тютюн та люльку, — Необачний». Я много этих песен помню, потому что дедушка с бабушкой пели их часто. Дело в том, что бабушка — урожденная Дорошенко, вот из этой гетманской семьи, поэтому она была, так сказать, высоких кровей. Там тоже целые истории. Мать ее была урожденной Королевцевой, тоже очень известная фамилия на Украине. (*Перерыв в записи*)

Павел Виссарионович Савицкий

Вот у дедушки с бабушкой ферма. Дом многоэтажный, у меня есть фотография, я даже не помню, сколько этажей, по-моему, три этажа. И там комнаты, большая терраса. Дело в том, что дедушке и бабушке Сасс-Тиссовским помогал полковник, старичок, который стал полковником еще в Русско-японскую войну, Павел Виссарионович. Они с ним познакомились в Болгарии. Павел Виссарионович очень полюбил девочек. Он был одинокий, холостяк. Он полюбил девочек, мою тетю Римму и маму Галю, и стал им преподавать русский и как бы воспитывал их. Между прочим, сыграл очень большую роль в их развитии интеллектуально. Он им читал Пушкина, Гоголя, всю русскую классику, научил их грамотно писать, то есть это был поразительный педагог. Он очень любил детей, и они его тоже очень любили. И Павел Виссарионович остался при нашей семье на всю жизнь, до конца, и умер уже у тети Риммы на вилле в Турнах в конце жизни очень стареньким.

Павел Виссарионович очень много рассказывал. Он рассказывал про Русско-японскую войну. Павел Виссарионович Савицкий рассказывал про многие-многие эпизоды. И для меня он сыграл тоже большую роль, потому что он учил меня правописанию, правильному написанию букв и так далее. У него был особый метод работы с детьми. Во время оккупации, во время войны, когда нельзя было ходить еще в школу, я как раз занималась с ним тоже.

Павел Виссарионович занимался коровами, он был при коровах. И был такой бык Быча, который вел все стадо. Коров было много. И как-то раз бабушка вешала белье. Я помню, я была на терраске в этот момент, бабушка вешала белье. Это было на ферме в Сен-Жане, в Варе, это еще не было на ферме в Турнах, на старой ферме. Она вешала белье, и тут шли коровы, и впереди Быча. А был очень жаркий день, Бычу покусили оводы, и он был очень рассерженный. Оводы настолько ему надоели, что он бросился вдруг на бабушку и стал ее топтать. Мы все дико закричали, бабушка упала с бельем, и он чуть ли не стал ее топтать. Подбежал Павел Виссарионович и что-то сказал на ухо Быче. И Быча как вкопанный остановился. Дедушка говорит: «Павло, ты что сказал Быче? Какое слово?» «Василь, — они друга называли Павло и Василь, это я помню, — Василь, если я тебе это слово скажу, оно больше никогда не подействует» (*смеется*). Вот такие были, я не знаю, обычай — не обычай это, суеверие — не суеверие, вот рассказывают. Бабушка потом лежала на диване, ей делали свинцовые примочки. Она несколько дней пролежала на диване, бедная, вся в синяках от копыт этого Бычи, вы представляете, какая коррида? Это кошмар.

На ферме Сен-Жан. Фото предоставлено С. Ю. Завадовской

Дедушкины диалоги с рюмкой

Ну вот, предположим, там или жандарм, или батюшка пришел. А бабушка делала такую ореховую настойку, не знаю, как, но очень вкусную. Я иногда даже ее лизала на ложечке, называлась «фортепьянчик». Или рюмка водки стоит перед дедушкой, и дедушка мог полчаса разговаривать с этой рюмкой, потому что он знал все прибаутки, я их не запомнила. Он разговаривал с рюмкой водки, предположим, или с рюмкой «фортепьянчика».

Е. Г.: И что он им говорил?

С. З.: «Ты відкіля пришла?» Ну, рюмка, значит, рассказывает, как она шла по всей России, что было, так далее, какие-то вопросы, ответы, а под конец получасового разговора, где дедушка говорил за рюмку и задавал ей вопросы, причем разными голосами, это был целый театр, он спрашивает рюмку: «А паспорт є?» А водка отвечает таким женским голосом противным: «Нема». Тут дедушка выпивает эту рюмку и говорит: «Ось тобі і тюрма» (*смеются*). Я не знаю, обычай это, не обычай.

Сезонные работники на ферме и предрассудки бабушки

Ну и приходили сезонные работники, потому что были виноградники, надо было собирать виноград, кукурузу надо было собирать, ну вообще все сельскохозяйственные труды. Я все видела, я видела даже, как рождались телята, да. Вот я помню, как родился теленок Микей. У меня даже есть фотография этого Микей, как он встал на лапки и качался вот так вот. Это были большие события, когда рождались эти телята, понимаете. Надо было помочь, и все: «Павло, беги! Там какая-то Машка телится», — ну и так далее. Я все эти крики слышала, все это знала с детства. Я, как это сказать, деревенская девочка. И мне это очень помогло по жизни, очень помогло. И костер умела разводить, и готовить с бабушкой могла, и все.

Вот приходят сезонные работники. Ставятся доски на козла. Бабушка стоит у большой кастрюли с супом или с кашей, раздает всем, а я с тарелочками ношусь вокруг стола и подаю рабочим. Ну или лесорубы пришли, лесорубы приходили югославы. Они с большими длинными топорами приходили. У них были красные шапки на голове и такие какие-то зеленые жилеты. Они были одеты, как какие-то такие, ну лесные люди, понимаете? Они приходили вычищать лес, рубить сухостой и так далее. Бабушка с дедушкой их приглашали, приходилось им платить. Это были сезонные рабочие. Ну и потом приходили вот эти самые *vendangeur*, которые собирали виноград.

И вдруг меня один из сезонных рабочих спрашивает: «Девочка, ты спроси у своей бабушки, вот она нам раздает суп и вкусное всё, почему она никогда с нами за стол не сядет во время обеда?» Они все говорили по-французски, эти сезонные рабочие. Я говорю по-русски: «Бабушка, ты знаешь, меня один рабочий спросил, почему ты не садишься с ними за стол?» И бабушка вдруг: «Стану я со всякой челядью за стол садиться!» И вот этот момент меня... Я рассказала маме, и нас он очень потряс. Мы понимали, что у бабушки какие-то взгляды, которые уже не наши взгляды, понимаете? Потому что мама моя и папа всегда считали, что нельзя, абсолютно нельзя показывать ни в чем ни свое превосходство, ничего, наоборот, ко всем относиться именно по-человечески или как-то так, да? А у бабушки было вот, ну не знаю, какие-то вещи нельзя было делать. И бабушка Завадовская тоже имела какие-то такие принципы, которые, по-моему, шли из XIX века. Я только впоследствии стала это все понимать, но я помню, что родители всегда иронизировали над этими моментами.

Столоверчение у Зинаиды Гиппиус и дедушка в роли статиста

Очень хорошо родители иронизировали над старыми русскими писателями, в том числе над Буниным, который был соседом. Вот были такие моменты, когда дедушка рассказывал, как он был у Зинаиды Гиппиус на сеансе столоверчения (*смеется*), как вызвали какой-то дух, я уж не помню, Наполеона, Талейрана. Вызывались какие-то духи, вертелись столы, и в полной темноте вдруг его по носу какая-то шерсть, он почувствовал какие-то вот эти самые... Оказывается, это Зинаида Гиппиус своей лисой по носу всех, и все дрожали от этой лисы (*смеются*). Но, конечно, к этому относились юмористически.

Дедушка, Василий Митрофанович, прекрасно рассказал историю, как он гимназистом в последнем классе гимназии влюбился в актрису. В Харькове в каком-то таком провинциальном театре играли «Quo Vadis»², и нужен был статист. А надо вам сказать, что дедушка Василий Митрофанович, все всегда говорили, он был очень хорошо сложен, очень красив собой. У него были очень широкие плечи, очень узкая талия. Он был похож на эти древние египетские фрески, знаете, где изображают вот плечи вперед, а узкий таз, и все. И нужен был статист на роль Урсуса³ или какого-то негра, чтобы внести Лигию на плечах на сцену. А дедушка был влюблен в эту Лигию — красивая такая актриса и прочее и прочее. И вот он сказал: «Пожалуйста».

² Исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши». На русском языке роман вышел в 1896 году под названием «Quo vadis».

³ В русском переводе героя звали Урс.

Его всего вымазали черной краской, надели какую-то набедренную повязку. Он вышел на сцену вместе еще с другими гимназистами, двое или трое, они несли эту Лигию. Надо было ее внести на сцену. Там эту Лигию ожидало что-то такое ужасное, то ли ее должны были тут же зарезать, что ли, или что, я уж не помню. По «Quo Vadis» они играли. И тут он почувствовал... Она вся дрыгалась, пахла потом (*смеется*), тяжелая, толстая, эта Лигия, дедушка ее чуть не уронил, но влюбленность его исчезла. Он рассказывал об этом с большим юмором, представьте себе. Это еще, так сказать, из дореволюционной жизни.

Е. Г.: Прекрасно.

С. З.: Они очень были, как бы сказать, чувствительны к таким юмористическим аспектам жизни, всегда умели так немножко подыграть над этими самими... Ну, хватит.

Е. Г.: Спасибо.